

«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ». И ВСТРЕТИЛИСЬ ДВЕ ЧЕРЕПАХИ...

Автор приводит свои критические суждения по отношению к одной из новейших и активно пропагандируемых идей – идеи «экспериментальной антропологии». По мнению автора, сам термин слишком претенциозен и неудачен, поскольку он диссонирует с естественными науками. А главное, «экспериментальная антропология» фактически не вносит ничего нового в методологию и методику этнолого-антропологических исследований.

Ключевые слова: *«экспериментальная антропология», преэссенность этнологических исследований, новации в методологии и методике.*

В последнее время в отечественной науке силами, главным образом, молодых ученых довольно активно продвигается новое направление, именуемое «экспериментальной антропологией». Новое, впрочем, именно для российской науки, поскольку за рубежом это явление, как водится, обнаружилось несколько раньше (см.: *Игнатъев, Никитин 2017: 40*). В «Вестнике антропологии» в прошлом году на этот счет тоже была опубликована статья – Р.Н. Игнатъева и М.А. Никитина «Экспериментальная антропология» (*Игнатъев, Никитин 2017: 36–44*). В рамках XII Конгресса антропологов и этнологов России (Ижевск, июль 2017 г.) даже работала секция «Экспериментальная антропология», а в мае этого года кафедра этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова проводит конференцию «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях».

В настоящем номере журнала, кроме выше перечисленного, опубликованы статьи С.И. Рыжаковой и И.В. Чининова, написанные, судя по некоторым ремаркам авторов, именно в русле данного направления. Сразу должен сказать, что обе статьи сами по себе мне понравились, а вот кое-что заметить по поводу самой «экспериментальной антропологии» считаю уместным. Тем более, что Роман Николаевич Игнатъев, главный, пожалуй, у нас энтузиаст этого направления пытался и меня подвигнуть на участие в раскрутке «экспериментальной антропологии». Не получилось – возможно, в силу «традиционности» или даже консервативности моих взглядов на этнологию, что я, кстати, наверное, и продемонстрировал в ходе небольшой дискуссии (*Чешко 2017: 132–135*) в связи со статьей А.Н. Кожановского, Е.В. Холлер, И.А. Кучеровой и Р.Н. Игнатъева (*Кожановский и др. 2017: 106–131*). При этом полагаю, что предоставление дискуссионного поля на страницах «Вестника антропологии» вполне полезно и необходимо. Конечно, не для того, чтобы дать возможность родиться некой истине, поскольку, как показывает практика, истина никогда и нигде не рождается, а для того, чтобы дать адептам непривычных идей высказаться, а коллегам познакомиться с новациями в науке.

Я сосредоточусь на упомянутой выше статье Р.Н. Игнатъева и М.А. Никитина. Она, на мой взгляд довольно хорошо отражает суть проблемы – это даже своего рода программный манифест, – я, честно говоря, «закрутился» и не нашел времени, чтобы оперативно отреагировать на эту статью. И еще надо отдать должное авторам, которые воспроизвели серьезную критику в адрес своей позиции со стороны О. Зыкиной. Сознаюсь, что и меня не очень вдохновляет энтузиазм по поводу «экспериментальной антропологии».

В рецензируемой статье дается обоснование предложения авторов создать в рамках Ассоциации антропологов и этнологов России специальной комиссии.

«1. Успех дисциплины зависит во многом от ее способности формировать повестку дня научного сообщества. При этом важную роль играет путь проб и ошибок, связанный со свободой действия и вниманием к возможным новым формам исследования. Создание комиссии по экспериментальной антропологии позволило бы единомышленникам реализовать отличные от академических норм проекты, но без отрыва от научного фундамента, закладывавшегося десятилетиями.

2. Задача активного продвижения нашей дисциплины в настоящее время представляется крайне важной. Принципиальным остается здесь внимание к человеку и его образам жизни, а также профессиональное общение, открытое миру...» (Игнатъев, Никитин 2017: 36).

Данная инициатива нашла поддержку со стороны некоей группы «молодых антропологов», которые высказались еще более ясно:

«...Хотя само название может быть и иным, слово “эксперимент” здесь является ключевым, так как цель создания новой комиссии заключается в организации площадки для обсуждения и апробации новых методов и инструментов в антропологии, реализации исследований нового типа.

В качестве примеров таких экспериментов можно привести активное использование профессиональной видеокамеры в этнологическом исследовании, использование антропологических методов для решения проблем корпоративного бизнеса и многое другое. Комиссия по экспериментальной антропологии даст возможность объединить креативные усилия ученых и направить поток новых идей антропологов и этнологов всей России в единое конструктивное русло...» (Там же: 37).

В упомянутом мною ответе О. Зыкиной содержится многое из того, что мне самому приходило на ум, когда я читал статью и осмысливал другие материалы, связанные с идеей «экспериментальной антропологии». Поэтому я приведу несколько выдержек из текста О. Зыкиной.

«Дело в том, что “эксперимент” для меня входит в довольно определенную категорию понятий и обозначает вполне конкретную форму и методологию научной деятельности. В частности, я бы предполагала в связи с этим словом, во-первых, какое-то практическое взаимодействие ученого с его объектом исследования, но этого мало, поэтому будет во-вторых, которое включает предварительное построение теоретической модели и создание идеальных контролируемых условий для проведения эксперимента. Наверное, еще одним значимым параметром “эксперимента” как метода я бы назвала возможность его повторения, т.к. в противном случае он не сможет выступать подтверждением теории или гипотезы...»

Одним из критериев эксперимента я назвала создание контролируемых условий. Это вызывает сложности, но, однако успешно решается, когда мы говорим о есте-

ственных и даже технических науках, даже специально для этого создаются вспомогательные науки, например, метрология. Однако для исследователя-гуманитария, который по сути своей является в некоторой степени частью изучаемого им объекта, вопрос о контроле стоит во многом парадоксально. Кроме того, и сами участники эксперимента очевидно будут личности с самостоятельным сознанием, свободной волей, выбором, а также индивидуальным культурным и социальным опытом. Прочитать весь комплекс влияющих факторов, которые необходимо учесть при моделировании социальных систем, кажется мне невыполнимой задачей даже для группы ученых в рамках масштабного проекта. В связи с этим возникает вопрос, что считать контролем за экспериментом в условиях гуманитарной науки» (Там же: 38).

Авторы статьи ответили на эту критику, но, на мой взгляд, гораздо менее понятно, конкретно и убедительно, нежели оппонент.

«Антропология экспериментальна. Экспериментальная антропология – не направление, но площадка взаимодействия представителей различных отраслей дисциплины, характеризуемая горизонтальностью, высоким уровнем доверия и разнообразием интересов ее участников. Перед нами форма профессионального общения, а содержание его определяется актуальностью и личным интересом участника.

Принятие экспериментальности антропологии позволяет нам приблизить новый поворот в отечественной дисциплине, связанный с социальным планированием, или планированием будущего. Если в изменившихся общественно-политических условиях конца 1980-х годов состоялась «мобилизация» этнографического знания, то в настоящее время наблюдаются признаки его «демобилизации» во имя стабильности. Актуальным для антропологов стал вопрос самоорганизации. Крайне нужны коллективы (рабочие группы, школы), между которыми только и возможна здоровая конкуренция, способствующая формированию формальных критериев научной работы и раскрытию индивидуальности исследователя...

В ответ на критику О. Зыкиной мы скажем, что работа в группе внутри антропологического сообщества по конкретной проблеме вполне обеспечивает создание контролируемых условий и возможность повторения эксперимента с антропологами, методами, читателями, этикой. Возможно и нужно экспериментировать внутри дисциплины, отвечая на социальный запрос. Не следует бояться рассказывать обществу, каким предстает оно из нашего опыта, разрабатывать и воплощать в жизнь совместно с людьми идеи, обязанные своим появлением антропологическому опыту. Условие успеха здесь – контакт...» (с. 40).

Итак, в чем же, как можно понять Р.Н. Игнатьева и М.А. Никитина, заключается «экспериментальность»? Если вкратце, то это разворачивание дискуссий о путях дальнейшего развития науки, привлечение молодых исследователей, поскольку молодежи свойственны поиски нового, выдвижение нетрадиционных идей, создание неформальных творческих коллективов использование новых методик в связи с изменением самого исследовательского поля, продвижение междисциплинарности. Тут абсолютно нечего возразить – все правильно. Но что во всем этом такого, что не признавалось и не делалось бы в рамках «традиционной» этнологии/антропологии? Другое дело, что наша наука в XXI веке столкнулась с методологическими проблемами, обусловленными процессами глобальной модернизации, и эти проблемы пока что выглядят труднопреодолимыми. Разумеется, надо искать, но вовсе не подменять, решения софистикой. А в риторике, пропагандирующей «экспериментальную антропологию», мне видится как раз больше софистики, чем позитивных, конструктивных, действительно новых идей.

Термин «экспериментальная антропология», конечно, режет слух, поскольку неизбежно возникают ассоциации с классическими экспериментами в естественных науках. Такие эксперименты в науках, изучающих общество, невозможны, а если попытаться их ставить, то можно принести больше вреда, чем пользы. Вспомним хотя бы историю нашей страны прошлого века.

Знаменитая столыпинская реформа была, безусловно, гигантским экспериментом над обществом. В результате она, по справедливому определению В.И. Ленина, оказалась «последним клапаном», лишь на время выпустившим пар социально-экономических проблем, но заодно резко обострились отношения с казахстанской степью. И в результате (добавилась еще война) случилось восстание Амангельды Иманова, которое положило начало сложным турбулентным процессам во всем Туркестане.

Попытка построить в СССР то, что назвали «социализмом», национально-государственное размежевание в Средней Азии, политика коренизации – это все тоже были своего рода эксперименты с весьма неоднозначными последствиями. И к этим экспериментам, надо признать, приложили руку и ученые. А в 1990-е годы в России проводился опыт по построению чего-то вроде вчерашнего или даже позавчерашнего капитализма на базе классического первоначального накопления капитала – но посредством ограбления не колоний, а собственной страны. И здесь научные сотрудники тоже погуляли!

Другая сторона вопроса. При желании этнологию можно условно и с натяжкой назвать экспериментальной наукой (да, наверное, и любую другую научную дисциплину), если иметь в виду ее предметную область. Собственно, сама периодизация истории человечества построена на изобретениях, когда-то сделанных в результате произведенных экспериментов нашими далекими предками. Каменная индустрия представляла собой непрерывный, длившийся миллионы лет эксперимент с того момента, когда какой-то неведомый *эректус* попробовал делать на камне сколы, и до тех пор, пока каменные орудия ни достигли своего совершенства. Изобретение лука, колеса, гончарного круга и прочее и прочее тоже состоялось благодаря когда-то кем-то проведенным опытам.

Внедрение социологических методов исследования в этнологию, о которых пишут Р.Н. Игнатьев и М.А. Никитин, становление этнологических субдисциплин (полвека назад!), разработка теоретических концепций в зарубежной и отечественной науке – это, конечно, тоже поначалу были эксперименты. И вся научная деятельность имеет в каком-то смысле экспериментальный характер. Исследователь экспериментирует в поле, собирая материал с помощью определенной методики, потом систематизирует и интерпретирует его, и это тоже несет налет предположительности, экспериментальности. Экспериментирует над собой, помещая свои наработки в какое-то концептуальное русло, потом – над читателем (как поймут и воспримут его сочинение), да и над издателем – пропустит-не пропустит.

И что из всего этого следует? Я ведь выше говорил о вполне тривиальных вещах, лишь подпустив «экспериментальную» терминологию. Полагаю, следует то, что не надо чрезмерно увлекаться грюндерством в науке и терминологическими изысками, а лучше осмысливать то, что было сделано предшественниками и то, что ими не было сделано. Я писал об этом неоднократно (см., напр.: *Чешико* 2016), но приходится констатировать, что в современной отечественной науке, в среде молодежи, сложилась устойчивая тенденция изобретать то, что давно существует, а чаще – заимствовать из-за рубежа якобы что-то новое, доселе невиданное.

Надеюсь, мои суждения выглядят не очень ретроградными. Конечно, наука должна быть в постоянном движении, совершенствуя свои методы, осмысливая вновь и вновь свою концептуальную базу, поскольку сам мир, изучаемый ею, меняется и меняется обычно быстрее, нежели наука. В статье С.А. Арутюнова «Куда ты, черепаха?», в которой вообще-то содержится критика многих положений статьи А.Н. Кожановского и соавторов, приводится известная апория Зенона Элейского и дается ее понятное толкование: «И уклад жизни, и соответствующее ему самосознание меняются, хотя и постепенно, но все же с определенной прерывистостью или скачкообразностью. Нам, антропологам, заинтересованным в их изучении, не угнаться за ними, как в известной апории Зенона о черепахе. И мы, подобно Ахиллесу, можем лишь бесконечно приближаться к их постижению» (Арутюнов 2017: 3–4).

Наверное, это как раз говорит в пользу рассуждений об ограниченности возможностей науки, фрустраций и саморефлексии, которые преодолевают исследователя, хотя сам С.А. Арутюнов в своей статье не на этом делает акцент. А мне вот симпатична другая черепаха – из бразильского фольклора.

«Было это во время сильного голода. Только одно-единственное дерево во всем лесу стояло усыпанное спелыми плодами. Ходят звери вокруг да около, а есть не решаются: не знают, что за плоды и какое им название. Вот собрались звери все вместе и отправили посланца на небо – спросить у бога, как зовутся плоды. Сказал бог название плода, и зверек, чтобы не забыть, пошел, напевая:

Мусса, мусса, мусса,
Муссангамбира, муссауэ.

Поблизости жила старая колдунья. Когда зверек проходил мимо дома старухи, она спросила его, какими он здесь судьбами и что делает. Зверек рассказал ей, в чем дело. Ведьма, которая была очень злой, запела:

Мунга, селенга, ингамбела,
Вина, кивина, вининим...

Зверек сбился и забыл название, которое узнал на небе. Отправился к богу другой зверек, и с ним случилось то же, что и с первым. Такая же участь постигла и многих других, отправлявшихся на небо, чтоб узнать название плода, – старуха запевала их своей песней, и они забывали название. Наконец настал черед черепахи. Бог сказал ей название плода, и она не спеша двинулась в обратный путь, напевая:

Мусса, мусса, мусса,
Муссангамбира, муссауэ.

Проходит она мимо дома колдуньи, а та уже тут как тут. Спрашивает:

– Куда идешь, черепаха?

А черепаха знай себе поет свою песню и никакого внимания на старуху не обращает. Колдунья снова к ней:

– Куда идешь, черепаха?

А черепаха продолжает петь. Старуха запела:

Мунга, селенга, ингамбела,
Вина, кивина, вининим...

А черепаха и ухом не повела. Не сбивается, ползет себе и поет имя плода. Рассердилась старуха. Схватила черепаху и изо всех сил швырнула ее спиной оземь. Черепаха перевернулась и сказала:

– Прочь отсюда!

И продолжала свой путь, не забыв названия плода. Еще много раз швыряла черепаху старуха, но, видя, что ничего у нее не получается, ушла, чуть не лопнув от ярости. Пришла черепаха в лес и сказала зверям, как называется плод. Обрадовались звери и очень благодарили черепаху за услугу, которую она им оказала...».

Вот эта, бразильская черепаха, совершенно лишенная каких-либо рефлексий, может, наверное, служить в контексте наших рассуждений символом стабильности, позитивного знания, безразличия к сопутствующим влиянием во имя поставленной цели. А цель у нас как была так и есть – познавать окружающий мир (и себя тоже), насколько это возможно. И лучше в тандеме обеих этих рептилий.

Литература

- Арутюнов 2017 – Арутюнов С.А. Куда ты, черепаха? // Вестник антропологии. Новая серия, 2017. № 3(39). С. 153–159.
- Кожановский и др. 2016 – Кожановский А.Н., Кучерова И.А., Холлер Е.В. Игнатъев Р.Н. Перестройка идентичности и трансформация традиционного уклада жизни в странах Европы на рубеже XX – XXI вв.: уроки одного исследования // Вестник антропологии. Новая серия, 2016. № 4 (36). С. 106–131.
- Игнатъев, Никитин 2017 – Игнатъев Р.Н., Никитин М.А. Экспериментальная антропология // Вестник антропологии. Новая серия, 2017. № 2(38). С. 36–44.
- Черепаха и плод – Черепаха и плод / Бразильские сказки и легенды. Перевод В. Житкова. URL: https://www.indiansworld.org/Nonmeso/brazilian_tales28.html#.WqOlkGrFLcs.
- Чешко 2016 – Чешко С.В. Чем больше знаешь, тем меньше понимаешь... // Вестник антропологии. Новая серия, 2016. № 3(36). С. 132–135.

References

- Arutiunov S.A. Kuda ty, cherepakha? Vestnik antropologii. Novaia seriia, 2017. No. 3(39). Pp. 153–159.
- Kozhanovskii A.N., Kucherova I.A., Kholler E.V. Ignat'ev R.N. Perestroika identichnosti i transformatsiia traditsionnogo ukлада zhizni v stranakh Evropy na rubezhe XX – XXI vv.: uroki odnogo issledovaniia // Vestnik antropologii. Novaia seriia, 2016. No. 4(36). Pp. 106–131.
- Ignat'ev R.N., Nikitin M.A. Eksperimental'naia antropologiia. Vestnik antropologii. Novaia seriia, 2017. No. 2(38). Pp. 36–44.
- Cherepakha i plod / Brazil'skie skazki i legendy. Pervod V. Zhitkova. URL: https://www.indiansworld.org/Nonmeso/brazilian_tales28.html#.WqOlkGrFLcs.
- Cheshko S.V. Chem bol'she znaesh', tem men'she ponimaesh'... Vestnik antropologii. Novaia seriia, 2016. No. 3(36). Pp. 132–135.

S.V. Cheshko. «Experimental Anthropology». Two turtles meet...

The author brings his critical judgments in relation to one of the newest and actively propagated ideas – the idea of «experimental anthropology». According to the author, the term itself is too pretentious and unsuccessful, as it discords with the natural sciences. Most importantly, «experimental anthropology» does not actually bring anything new to the methodology and methodic of ethnological and anthropological researches.

Key words: «experimental anthropology», continuity of ethnological research, innovations in methodology and methodic.